

Генерал Лу, Лу Фэн, старший брат Лу Лючжи, с детства обладал огромной силой, ловкостью и исключительной храбростью. Благодаря своей мощи и тигриной отваге, он пробился сквозь вражеские ряды и стал одним из самых прославленных генералов Да Ю. И хотя его положение не было таким высоким, как у Вэньюань хоу, он все же был тем, кто доставлял последнему немало головной боли.

Лу Фэн ненавидел хоу за то, что тот не выполнил свой супружеский долг, из-за чего, по его мнению, умерла его сестра. Всякий раз, когда он посещал столицу, он непременно искал способы создать проблемы Вэньюань хоу. В Да Ю существовало четкое разделение между чиновниками и военными. Таких, как Вэньюань хоу, которые оставили карьеру ученого ради военного дела, было очень мало, и они не могли найти поддержки ни с одной из сторон. Военные возмущались тем, что он покинул их ряды, а гражданские чиновники презирали его за переход в военную профессию, что ставило его в крайне неловкое положение.

Если бы Вэньюань хоу не пользовался глубокой благосклонностью императора, он никогда не смог бы подняться до своего нынешнего положения. Но даже при этом хоу находил жизнь при дворе невыносимой, а присутствие этого смутьяна Лу Фэна делало его положение еще более сложным. Лу Фэн был грубым, не обращал внимания на этикет и правила, действовал по совей прихоти, а наказания его совершенно не пугали. Только когда Лу Фэна отправили на юго-восток для охраны границы, Вэньюань хоу получил возможность немного передохнуть.

Вэй Юйхуа внезапно все поняла. Для Вэньюань хоу было уже неважно, был ли Чжуан Чжун его сыном или нет. В худшем случае он мог бы принять его как приемного сына, лишь бы Лу Фэн, видя, что с ребенком все в порядке, перестал его беспокоить.

Вэй Юйхуа нахмурилась:

- Неужели все мои предыдущие действия были напрасны?

Матушка Фан улыбнулась:

- Госпожа, в пылу схватки вы не видите всей картины. На самом деле такой поворот событий вам только на руку.

Вэй Юйхуа была не глупа, она просто была настолько взволнована, что ее мысли спутались. Благодаря словам матушки Фан она сразу поняла ситуацию. Какая разница, родной сын или нет? Теперь проблемы будут не у нее, а у той, у которой есть свои дети. Законы Да Ю гласили, что даже приемные сыновья имеют право на наследство и на долю имущества, наравне с родными. Поэтому, приемный он или родной, если он внесен в семейную книгу, у Инь Юэхань начнутся проблемы.

- Как мне относиться к этому ребенку? Отношение хоу неоднозначно, его действительно трудно понять.

- Вы хозяйка дома, госпожа. Вам должны быть беспристрастной: не проявлять чрезмерной доброты и не быть слишком холодной или строгой. И разве между супругами существуют неразрешимые вопросы? Хоу всегда высоко ценил вас. Хоть госпожа Инь и ведет себя надменно, разве она когда-либо действовала по-настоящему жестоко? Это имение все равно находится под вашим контролем.

Вэй Юйхуа с горечью вздохнула:

- Но хоу стал ко мне холоднее. С тех пор как он узнал, что я нашла этого ребенка, его взгляд стал таким, что у меня внутри все холодеет.

- Это естественно, что хоу рассержен. Госпожа, простите эту слугу за дерзость, но мужчины любят обходительных и понимающих женщин. Иногда вы слишком строги, не желаете уступать, и это мешает хоу проявлять к вам нежность.

Лицо Вэй Юйхуа помрачнело. С детства ее воспитывали как будущую первую жену рода, и то, что мужчины называют «женской мягкостью», считалось для нее легкомысленностью. Каждый раз, когда она разговаривала с хоу, она невольно говорила официальным серьезным тоном, а если пыталась быть нежной, то сама чувствовала себя неестественно. Она просто не могла вести себя, как Инь Юэхань, это казалось ей совершенно неподобающим.

Матушка Фан лишь вздохнула. Женщинам всегда было нелегко. Что бы они ни делали, всегда можно было найти причину для критики. Если бы Вэй Юйхуа родила сына, ей, возможно, не нужно было бы соперничать с наложницами. Она могла бы просто служить мужу и воспитывать детей, а ее положение было бы непоколебимо... Но Вэй Юйхуа упустила это важное преимущество, и без благосклонности мужа она вскоре потонет в потоке интриг.

- Хоу еще не вернулся?

Волосы Инь Юэхань были распущены. На ней был светло-зеленый шелковый дудоу*, расшитый бабочками и цветами, поверх которого был накинут прозрачный широкий халат. Ее изящная фигура соблазнительно проступала под тканью. Хотя это была, казалось бы, обычная домашняя одежда, она выглядела очень соблазнительно. Однако тот, кого она ждала, так и не появился, сделал ее тщательные приготовления бесполезными.

Шаояо колебалась, но Инь Юэхань нетерпеливо приказала:

- Говори!

- Он вернулся еще час назад и удалился во двор Чаньмин...

Бах!

Вся посуда со стола полетела на пол и разбилась вдребезги. Большая грудь Инь Юэхань тяжело вздымалась, а кулаки были сжаты так сильно, что ногти впилась в ладони. Она полагала, что хоу обязательно придет к ней сегодня вечером, чтобы утешить ее, ведь в конце концов, кто мог бы вынести внезапное появление законного наследника, соперничающего за славу с ее собственным ребенком? Но она никак не ожидала, что хоу проигнорирует ее и отправится во двор Чаньмин!

Чаньмин был двором наложницы Чжоу, которая всегда занимала особое положение в имении. После ее прибытия, Инь Юэхань могла пересчитать по пальцам, сколько раз она бывала во дворе Чаньмин. Хоу запрещал входить туда кому-либо, включая главную жену. Это место было словно маленький, отдельный мир: люди внутри редко выходили, а люди снаружи редко входили. Еда, предметы быта - все закупали сами служанки. Наложница Чжоу оставалась второстепенной фигурой, на которую Инь Юэхань никогда не обращала внимания.

- Что это значит?! Раньше он так нежно со мной обращался, а теперь так поступает! Неужели он..., - внезапная мысль пришла Инь Юэхань в голову, и она осеклась, бледнея.

Матушка Ли дала незаметный знак, и все служанки в комнате удалились. Успокаивающе погладив Инь Юэхань по руке, она прошептала:

- Госпожа, не волнуйтесь. Хоу сегодня, должно быть, в смятении, поэтому и не захотел вас видеть.

Инь Юэхань стиснула зубы:

- Это все эта стерва Вэй Юйхуа! Если бы она не вмешалась и не привела этого проклятого, я бы не испытывала таких мучений!

- Успокойтесь, госпожа. Если бы хоу так ценил его, стал бы он откладывать занесение мальчика в родовую книгу? Он, должно быть, захочет понаблюдать за ним. Закон гласит, что любой ребенок, не внесенный в семейную книгу, даже родной сын, не имеет права на наследство. Так что пока ничего не решено. Зачем вам сейчас навлекать на себя гнев хоу? Он ведь всего лишь маленький деревенский монах. Что он может понимать? Разве вы не знаете, каких людей хоу больше всего презирает?

Инь Юэхань нахмурилась:

- Но сегодня этот мальчишка не показался мне глупым. Если бы тогда... Ах, неважно. Что сделано, то сделано.

Матушка Ли прищурилась:

- Главное, что хоу считает его глупым. Пешка, не имеющая значения, едва ли заслуживает

внимания. Вашим врагом, госпожа, всегда была только фужэнь.

Глаза Инь Юэхань потемнели, и ее колеблющееся сердце наконец обрело опору.

Эти подводные течения в имени не беспокоили только что прибывшего Чжуан Чжуна. Вэй Юйхуа все тщательно подготовила: не только его двор был убран, но и одежда, подходящая ему по размеру, уже была приготовлена. Ему были назначены слуги, и хотя они были безэмоциональны и не любили разговаривать, они хорошо выполняли свою работу.

Чжуан Чжун с наслаждением вымылся и, выйдя, увидел накрытый стол. Ужин был роскошным: четыре блюда, один суп и сладкая закуска. Это были тушеная баранина, жареный кролик, курица с грибами и каштанами, рыба в кисло-сладком соусе, утиный суп с бататом и сладкий суп из белых грибов с семенами лотоса.

Глаза Чжуан Чжуна заблестели. Слова хоу звучали двусмысленно, и он ему не доверял. Причина, по которой он признал его, наверняка была другой. Он был слишком поспешен в своем желании заставить его нарушить монашеские обеты. Дворянский дом и правда подобен морю: в любой мелочи скрывался смысл.

Служанка по имени Цуй-эр сказала:

- Госпожа велела передать, что старший молодой господин, наверное, никогда не пробовал таких блюд, когда жил в монастыре. Она хочет, чтобы теперь, когда вы вернулись к мирской жизни, вы могли это попробовать.

Боясь, что он откажется, она добавила:

- Молодой господин, не беспокойтесь. Как говорится, «мясо и вино проходят через желудок, а Будда остается в сердце». Пока человек хранит Будду в своем сердце, к телу можно не применять такие уж строгие правила. Пожалуйста, не разочаруйте добрые намерения госпожи. Она лишь хочет, чтобы вам было легче привыкнуть.

Еда на столе была очень соблазнительной, и пробудила аппетит Чжуан Чжуна. Сейчас, дойдя до этой точки, продолжать притворяться означало только мучить себя. Лучше воспользоваться моментом и насладиться настоящим, а о будущем позаботиться позже. Рассудив так, Чжуан Чжун стал наслаждаться едой. Съев кусочек, он не мог не прищуриться. Мясо было невероятно вкусным. С тех пор как он попал в этот мир, его рот уже привык есть легкую пищу. Жаль только, что в Да Ю не было перца чили, иначе он был бы еще счастливее.

После ужина Цуй-эр подала ему зубную щетку и зубной порошок для полоскания. Зубная щетка, похожая по форме на современную, имела рукоятку из слоновой кости и щетину из

конского волоса, на котором уже был нанесен зубной порошок из толченого риса. Чжуан Чжун впервые пользовался такой дорогой щеткой и невольно стал ее рассматривать.

Цуй-эр подумав, что он, возможно, не знает, как ее использовать, предложила продемонстрировать, но Чжуан Чжун отмахнулся. Он пользовался этой вещью столько лет, что его движения были безупречны, и объяснения были не нужны. Тем не менее, рукоятка из слоновой кости казалась довольно экстравагантной, когда он держал ее, его рука слегка дрожала.

- Цуй-эр, где мой сундук, который я принес с собой?

Цуй-эр поспешно нашла его. Чжуан Чжун почувствовал, как его сердце мгновенно успокоилось. Он махнул рукой, отпуская слуг.

Деревянный сундук был сделан грубо и явно стоил дешево. Но когда Чжуан Чжун открыл его, внутри оказался целый другой мир. Если бы кто-то увидел его, был бы потрясен, так как никогда не видел сундука из такого материала. Он сиял серебристо-белым цветом, его внешний вид заметно отличался от обычных сундуков, особенно замок на нем, совершенно незнакомый.

Этот сундук был его чемоданом судмедэксперта, и его единственной связью с прошлой жизнью. Чжуан Чжун прекрасно понимал, что такому предмету не место в этом мире, но не мог его выбросить. Чтобы скрыть его истинную природу, он с помощью Юаньцзюэ изготовил деревянный корпус.

Открыв сундук, он первым делом увидел два подноса из нержавеющей стали. На одном лежали несколько пар ножниц, а на другом - ложки, молотки и другие инструменты. Все это были предметы, которыми Чжуан Чжун часто пользовался в прошлом. Хотя в этом мире они лежали без дела, их вид приносил ему чувство уверенности и стабильности.

Даже когда Юаньцзюэ проявил интерес к одному из его маленьких ножей, он отказал отдать его ему. Во-первых, эти инструменты имели для него глубокое значение. Во-вторых, Юаньцзюэ хотел использовать нож для резки еды, а эти инструменты, пусть и были стерилизованы, когда-то использовались для вскрытия бесчисленного количества тел. Отдавать Юаньцзюэ эту вещь было действительно неуместно.

Стоило Чжуан Чжуну вспомнить о Юаньцзюэ, он почувствовал боль в груди. Он начал перебирать четки на запястье, чтобы успокоиться.

Чжуан Чжун переместился в этот мир со своими вещами, но, возможно, из-за сжатия во временном туннеле, его тело уменьшилось. Попав в этот мир, он выглядел не старше двенадцати-тринадцати лет. Еще не достигнув половой зрелости, он был меньше большинства детей своего возраста. Что еще хуже, он оказался в глухой дикой местности, месте, полном опасностей и кишасщем свирепыми зверями.

Во время перехода Чжуан Чжун получил травму: он сломал ногу и не мог ходить. Если бы Юаньцзюэ не наткнулся на него и не спас, он бы стал добычей волков. В тот момент, когда он впервые увидел лысую голову Юаньцзюэ, словно сияющую мягким светом, Чжуан Чжун почувствовал себя в безопасности.

Юаньцзюэ отвел Чжуан Чжуна в храм, бедный и заброшенный, в котором жили лишь настоятель и сам Юаньцзюэ. Из-за небольшого количества прихожан и скудных пожертвований храм с трудом сводил концы с концами, но для Чжуан Чжуна это стало местом, которое он мог назвать своим домом.

Настоятель, добрый старый монах, принял его, не спрашивая ни о его происхождении, ни о его странной одежде. Позже Чжуан Чжун постригся в монахи, но не из преданности Будде, а из практических соображений. Он ничего не знал об этом мире, и ему нужно было найти безопасную личность, чтобы все узнать, и роль монаха подходила идеально. Не нужно платить налоги и служить, можно свободно передвигаться, а еще легко мыть голову.

Примечания:

* Дудоу - традиционное китайское женское нижнее белье, обычно изготавливаемое из шелка

<http://bllate.org/book/14926/1326254>